

ного, Республика Беларусь имеет полное право, не отходя от принципа международного права, сформированного в 1969 г., не использовать институт давности по примеру Казахстана за особо тяжкие преступления против личности, включив в этот список категорию тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Можно обоснованно утверждать, что гомосексуализм, педофилия, гендерная идентичность и прочее «мракобесие» в области нравственности и культуры – головы одной гидры. Эту главную мысль необходимо донести до компетентных государственных органов, осуществляющих борьбу с такими социально-деструктивными явлениями в нормотворческом русле. Мысли о юридической осторожности в процессе принятия эффективных уголовно-правовых норм (в том числе неприменения сроков давности по отдельным составам преступлений) невозможно выразить в теоретической плоскости. Рискованные нормотворческие эксперименты в масштабах государства – залог будущего успеха, который не зависит от филологической фикции и опасений ученых теоретиков. Данный тезис подтверждается активизацией всеми заинтересованными субъектами профилактики политики внедрения новых форм и методов предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, вопросов, связанных с порнографией, а также вопросов маркировки информационной продукции, учитывая возрастной контент.

В связи с вышеизложенным конструирование нормы УК, по нашему мнению, необходимо строить в следующем формате: в ст. 85 абзац первый дополнить словами «а также преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних»;

дополнить данную статью п. 11 и 12 следующего содержания: «11) изнасилование (статья 166 настоящего Кодекса); 12) насильственные действия сексуального характера (статья 167 настоящего Кодекса)».

УДК 343.3

С.Н. Сухарев

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 321 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Следует отметить, что отечественная уголовная политика в области реализации уголовных наказаний позволяет нам с уверенностью утверждать, что в настоящее время достигнуто беспрецедентное снижение количества лиц, приговоренных судами к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительных учреждениях.

Применение судами наказания в виде реального лишения свободы в отношении лиц, совершивших впервые преступления небольшой и средней тяжести, только в исключительных случаях, бесспорно, приводит к сосредоточению в местах лишения свободы наиболее опасных преступников, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также имеющих тот или иной вид рецидива преступлений. Результатом всего этого выступает стабильно высокий уровень количества осужденных, являющихся злостными нарушителями режима и состоящих на профилактическом учете.

Особую тревогу вызывает рост насильственной преступности. По итогам 2019 г. в исправительных учреждениях отмечался рост на 48 % (со 175 до 236) случаев неправомерных действий со стороны осужденных в отношении персонала учреждений уголовно-исполнительной системы, связанных с применением насилия.

Всего в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных по фактам противоправных действий в отношении персонала учреждений уголовно-исполнительной системы возбуждено 357 уголовных дел (на 43 % больше, чем в 2018 г. – 249), более половины из которых по ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) – 217 уголовных дел (2018 г. – 178), увеличение на 22 %.

За последние 20 лет в Уголовный кодекс Российской Федерации внесено колоссальное количество изменений. Несмотря на это, ст. 321 УК РФ изменяла лишь свое название и то, по нашему мнению, не совсем удачно с «Дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» на «Дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Во-первых, следует обратить внимание, что интересующее нас преступление называется «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» (ст. 321 УК РФ) и находит свое законодательное закрепление в гл. 32 «Преступления против порядка управления» УК РФ.

Естественно, первое, с чем мы сталкиваемся при первичной квалификации данного преступления, это то, что название статьи не в полной мере соответствует ее содержанию. В названии говорится о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а в содержании диспозиции статьи о применении либо угрозе применения насилия в отношении осужденных, сотрудников и их близких.

Какие-либо иные формы и способы дезорганизации в статье отсутствуют.

Можно утверждать, что лексическое наполнение термина «дезорганизация» имеет минимальное значение при доктринальном анализе рассматриваемого состава преступления, тогда как данному понятию в судебных актах уделяется, на наш взгляд, неоправданно большое внимание.

В половине изученных судебных решений суды исследуют вопрос о дезорганизации деятельности учреждений УИС. При этом единый подход судебных органов, к какому из элементов состава преступления следует относить признак дезорганизации, отсутствует. Более того, в решениях судов дезорганизация рассматривается как признак то объективной, то субъективной стороны данного преступления.

Во-вторых, на протяжении всего времени существования исследуемой нормы в современной уголовно-правовой доктрине ведется спор относительно того, является ли субъект преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, специальным или общим. Большинство исследователей придерживаются мнения о том, что он специальный. В то же время ряд юристов считают его общим.

Судебная практика также придерживается мнения об общем субъекте данного преступления. Верховный Суд Российской Федерации в кассационном определении указал, что субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 321 УК РФ, является любое вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

По этому поводу следует отметить, что в 99 % случаев субъектами дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, являлись лица, содержащиеся в местах лишения свободы или местах содержания под стражей, т. е. специальные субъекты.

Что касается судебных решений по ч. 1 ст. 321 УК РФ, то субъектом всегда выступает осужденный. Следовательно, в ч. 1 ст. 321 УК РФ необходимо указать на наличие специального субъекта.

При анализе особенностей квалификации рассматриваемого преступления необходимо также учитывать, что пределы ответственности лиц в возрасте от 14 до 16 лет в УК РФ необоснованно сужены. Деяния указанных лиц в возрасте от 14 до 16 лет квалифицируются как общеуголовные преступления, что в определенной степени декриминализует исследуемую статью. Таким образом, правоприменитель вынужден применять родовые составы преступлений, такие как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК) и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК).

Законодатель свою позицию объясняет невозможностью несовершеннолетним осужденным в возрасте 14–15 лет полностью осознать общественную опасность своих действий. При этом он устанавливает ответственность несовершеннолетних с 14 лет по составу преступления, предусмотренного ст. 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», что в принципе имеет сходный объект преступления – жизнь и здоровье.

Необходимо отметить, что деяния, предусмотренные ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» УК РФ, вообще выходят за рамки уголовного закона. Соответственно, действия несовершеннолетних осужденных, не достигших возраста 16 лет, подпадающие под деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 321 УК РФ, не могут быть квалифицированы ни по родовому, ни по видовому составу преступлений.

Полагаем, что целесообразно в ч. 2 ст. 20 «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность» УК РФ включить ст. 321 УК РФ.

Определение объекта любой группы преступлений имеет важное теоретическое значение, практическая реализация которого выражается в построении (систематизации) Особенной части уголовного закона.

По нашему мнению, основным непосредственным объектом преступления, предусмотренным ст. 321 УК РФ, следует считать в соответствии с действующим уголовным законом порядок управления.

В качестве дополнительного обязательного непосредственного объекта преступления следует признавать жизнь и здоровье лиц, указанных в данной норме.

Безопасность, достоинство, честь, нормальная деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы являются расширительным толкованием объекта анализируемых преступлений и не основано на содержании закона.

Такие выводы позволяют сделать размеры санкций, установленные за анализируемые преступления, выше, чем за аналогичные деяния против частных лиц. Кроме того, повышенная охрана жизни и здоровья представителей власти предусматривается уголовным законом не абсолютно, а только в связи с их правомерной профессиональной деятельностью, в ином случае посягательства на них квалифицируются как преступления против личности.

Считаем, что при квалификации исследуемого преступления при определении реальности исходящей угрозы необходимо считать ее всегда реальной (за исключением невменяемости субъекта преступления).

В заключение следует отметить, что одним из основных профилактических средств дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, является уголовная ответственность. Предпосылкой ее эффективности выступает дифференцированное отношение к применению мер уголовной ответственности на законодательном уровне.

УДК 343.8

А.А. Тум

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Уголовная ответственность – комплекс взаимосвязанных мероприятий, обусловленных фактом совершения преступления и уголовно-правовым воздействием на личность преступника в качестве реакции государства на девиантное поведение. Говоря о комплексном характере механизма реализации уголовной ответственности, целесообразно рассмотреть данный процесс посредством деления его на стадии. Указанный подход актуален ввиду того, что, исходя из анализа действующего законодательства, можно выделить следующие стадии реализации уголовной ответственности: судебная, пенитенциарная и постпенитенциарная.

Относительно судебной стадии следует согласиться с тем, что она проходит в рамках уголовно-процессуального права. Назначая наказание, суд должен руководствоваться положениями ст. 60 УК Республики Беларусь, закрепляющими, что при назначении наказания следует исходить из принципа индивидуализации наказания, т. е. учитывать наравне с другими эле-